

DOI: [10.14515/monitoring.2026.4.3055](https://doi.org/10.14515/monitoring.2026.4.3055)**Е. В. Чурилова, К. О. Чертенков, Е. М. Андреев****РЕПРОДУКТИВНЫЕ НАМЕРЕНИЯ И КОГОРТНАЯ
РОЖДАЕМОСТЬ РОССИЯНОК С РАЗНЫМ УРОВНЕМ
ОБРАЗОВАНИЯ ПО ДАННЫМ ИЗ РАЗНЫХ ИСТОЧНИКОВ****Правильная ссылка на статью:**

Чурилова Е. В., Чертенков К. О., Андреев Е. М. Репродуктивные намерения и когортная рождаемость россиянок с разным уровнем образования по данным из разных источников // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2026. № 4. С. 185—206. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.4.3055>.

For citation:

Churilova E. V., Chertenkov K. O., Andreev E. M. (2026) Reproductive Intentions and Cohort Fertility of Russian Women with Different Levels of Education According to Data from Various Sources. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 185—206. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.4.3055>. (In Russ.)

Получено: 01.07.2025. Принято к публикации: 07.04.2026.

РЕПРОДУКТИВНЫЕ НАМЕРЕНИЯ И КОГОРТНАЯ РОЖДАЕМОСТЬ РОССИЯНОК С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ОБРАЗОВАНИЯ ПО ДАННЫМ ИЗ РАЗНЫХ ИСТОЧНИКОВ

REPRODUCTIVE INTENTIONS AND COHORT FERTILITY OF RUSSIAN WOMEN WITH DIFFERENT LEVELS OF EDUCATION ACCORDING TO DATA FROM VARIOUS SOURCES

ЧУРИЛОВА Елена Владимировна — кандидат социологических наук, заведующая Международной лабораторией исследований населения и здоровья, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
 E-MAIL: evchurilova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9524-7177>

Elena V. CHURILOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Laboratory Head, International Laboratory for Population and Health
 E-MAIL: evchurilova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9524-7177>

ЧЕРТЕНКОВ Кирилл Олегович — стажер-исследователь Международной лаборатории исследований населения и здоровья, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
 E-MAIL: kchertenkov@hse.ru
<https://orcid.org/0009-0007-8430-7008>

Kirill O. CHERTENKOV¹ — Research Assistant, International Laboratory for Population and Health
 E-MAIL: kchertenkov@hse.ru
<https://orcid.org/0009-0007-8430-7008>

АНДРЕЕВ Евгений Михайлович — кандидат физико-математических наук, научный руководитель Международной лаборатории исследований населения и здоровья, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
 E-MAIL: e.andreev@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1233-437X>

Evgeny M. ANDREEV¹ — Cand. Sci. (Physico-math.), Academic Supervisor of the International Laboratory for Population and Health
 E-MAIL: e.andreev@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1233-437X>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Аннотация. Статья посвящена оценке степени реализации репродуктивных планов российских женщин и анализа ее зависимости от уровня образования путем сопоставления среднего ожидаемого числа детей с когортной рождаемостью в поколениях женщин 1950—1979 гг. р. Источники данных об итоговой рождаемости — База показателей рождаемости россиянок НИУ ВШЭ и Всероссийская перепись населения 2020 г., источники данных об ожидаемом числе детей — микроперепись 1994 г. и выборочные обследования РидМиж-2004 и РПН-2012. Результаты показывают, что

Abstract. The study compares the average expected number of children and completed cohort fertility both in general and by educational level across generations of Russian women born in 1950–1979. The data on completed cohort fertility comes from the Russian Fertility Database of the HSE University and the All-Russian Population Census 2020; the data on the expected number of children comes from the national Microcensus 1994, the Generations and Gender Survey (2004) and the Sample Survey of Population Reproductive Plans (2012). The results show that the expected number of children and the completed co-

ожидаемое число детей и итоговая рождаемость женщин близки друг к другу в поколениях женщин до начала 1970-х г. р., в более молодых поколениях различия нарастают ввиду повышения репродуктивных ожиданий. У женщин, чей репродуктивный период пришелся на советское время, подтверждена обратная связь уровня образования как с ожидаемым числом детей, так и с рождаемостью, при этом фактическое число рождений близко к запланированному. Среди женщин моложе 45 лет на момент переписи 2020 г. ожидаемое число детей однородно по уровню образования, однако сохраняется негативный образовательный градиент в итоговой рождаемости и в степени недореализации репродуктивных планов: женщины с высшим образованием не реализовали около 20—25 % запланированных рождений, со средним профессиональным — 15—20 %, со средним общим — около 8 %. Опираясь на полученные результаты, авторы заключают, что ожидаемое число детей в молодых возрастах в России перестает служить ориентиром итоговой рождаемости реального поколения. Стирание образовательных различий в репродуктивных планах при сохранении градиента в их реализации указывает на усиливающееся влияние нематериальных, ценностных факторов.

Ключевые слова: репродуктивные намерения, ожидаемое число детей, итоговая рождаемость, База показателей рождаемости россиянок, перепись населения 2020 года, образовательная дифференциация

Благодарность. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (HSE-BR-2025-012).

hort fertility of women are close to each other in generations of women born before the early 1970s, while in younger generations, differences increase due to higher reproductive expectations. For women whose reproductive period fell during the Soviet era, an inverse relationship between the level of education and both the expected number of children and the completed fertility has been confirmed, while the actual number of births is close to the planned one. Among women under 45 years of age at the time of the 2020 census, the expected number of children is uniform in level of education. However, a negative educational gradient remains in the completed cohort fertility and in the degree of under-realisation of reproductive plans. At that, women with higher education have not had about 20—25% of planned births, with secondary vocational education — 15—20%, with secondary general education — about 8%. Based on the results obtained, the authors conclude that the expected number of children at young ages in Russia ceases to serve as a proxy for the completed cohort fertility. Moreover, vanishing educational differences in reproductive plans coupled with remaining gradient in their implementation indicates the increasing influence of intangible, value-related factors of fertility behaviour.

Keywords: reproductive intentions, expected number of children, completed cohort fertility, Russian Fertility Database, 2020 Census, educational differences

Acknowledgments. The study was implemented within the framework of the Basic Research Program at HSE University (HSE-BR-2025-012).

Введение

Ожидаемое число детей — сколько респондент собирается иметь в течение своей жизни — традиционно считается показателем, предсказывающим будущую рождаемость когорт, и используется при прогнозировании коэффициентов суммарной и итоговой рождаемости. Однако ученые указывают на снижение его предсказательной способности для некоторых европейских стран [Beaujouan, Berghammer, 2019]. Казалось бы, решить проблему может измерение репродуктивных намерений не с помощью ожидаемого числа детей, а с помощью выяснения намерения родить ребенка в течение определенного периода времени. Но исследования показывают довольно высокую межстрановую вариацию по степени реализации положительных краткосрочных намерений [Beaujouan, Singh, 2025], поэтому применимость данного показателя в качестве альтернативного при прогнозах итоговой рождаемости все еще под вопросом. В частности, на российских данных выявлено, что и в 2000-е, и в 2010-е годы среди женщин, уверенно заявивших о намерении родить ребенка в ближайшие три года, реализовывали эти намерения менее половины [Синявская, Тынди́к, 2010; Макаренцева, Бирюкова, 2023].

Репродуктивные намерения россиян относительно регулярно измерялись и измеряются в ходе различных выборочных исследований, наиболее часто — в рамках общероссийских опросов омнибусного типа, реже — в рамках крупных выборочных социально-демографических исследований. Тем не менее пул работ, в которых анализировались показатели идеального, желаемого и ожидаемого числа детей, а также краткосрочные репродуктивные намерения в разные календарные годы среди россиян, довольно малочисленный (например, [Тынди́к, 2012а; Чурилова, Захаров, 2019; Гудкова, 2019; Архангельский, Шульгин, Зинькина, 2020; Осипова, 2020; Макаренцева, Бирюкова, 2023; Чурилова, 2023]).

Сравнение среднего ожидаемого числа детей в период молодости с числом когда-либо рожденных детей у женщин старше репродуктивного возраста или близких к его завершению — задача, с одной стороны, стандартная для демографов, с другой — требующая наличия данных крупных выборочных обследований, а также данных переписей или микропереписей населения, которые проводятся раз в пять-десять лет, или длинных рядов итоговой рождаемости поколений. Это сравнение позволяет понять, насколько выполненными оказались планы женщин на счет числа рожденных детей.

Подобные сравнения в отечественной литературе проводились и ранее. Е. М. Андреев и Г. А. Бондарская использовали данные советских выборочных обследований семей, Всесоюзной переписи населения 1989 г. и Микропереписи населения 1994 г. [Андреев, Бондарская, 2000]. Е. М. Андреев и Т. Л. Харькова опирались на данные Микропереписи населения 1994 г., Всероссийской переписи населения 2010 г. и показатель итоговой рождаемости реальных поколений из Международной базы данных о рождаемости (Human Fertility Database) [Андреев, Харькова, 2013]. Обе работы показали, что в целом число рожденных советскими женщинами детей было близко к изначально запланированному. Учитывая появление данных об итоговой рождаемости поколений женщин, репродуктивный период которых полностью пришелся на постсоветские годы, наша первая задача — установить, насколько были реализованы репродуктивные планы женщин,

принимавших участие в различных выборочных социально-демографических исследованиях в 1990-е, 2000-е и в начале 2010-х годов.

Вторая задача статьи — проведение аналогичного анализа в разрезе крупных образовательных групп. В целом изучение рождаемости и репродуктивных намерений женщин по уровню образования или в разрезе иных социально-демографических характеристик — редкая для исследователей задача, особенно в когортной перспективе. Это связано с тем, что, во-первых, уровень образования женщины в течение ее жизни может повышаться и при удлинении периода обучения или повышении возраста получения профессионального образования репродуктивные планы должны быть зафиксированы в возрасте, к которому большинство женщин получили образование. Во-вторых, в любых выборочных обследованиях уровень образования указывается со слов респондента, а в переписях населения уровень образования женщины указывается членом домохозяйства, который отвечает на вопросы переписчика либо самостоятельно заполняет переписные листы, что может вести к искажению данных.

Тем не менее в зарубежной науке эта тема разработана заметно лучше. Существуют попытки собрать данные о когортной рождаемости по уровню образования женщины на основе переписей и выборочных обследований населения — например, База данных когортной рождаемости и образования (Cohort Fertility and Education Database) [Zeman et al., 2017] или визуализация когортной рождаемости для женщин с разным уровнем образования в США [Hudde, Cohen, 2024]. Ряд работ показывает наличие образовательного градиента в итоговой рождаемости женских когорт [Jalovaara et al., 2019; Nisén, 2021], а также негативной связи между уровнем образования и реализацией репродуктивных намерений [Berrington, Pattaro, 2014].

В отечественной литературе исследований связи уровня образования, репродуктивных намерений и рождаемости крайне мало. В. Н. Архангельский, С. Г. Шульгин и Ю. В. Зинькина анализировали итоговую рождаемость женщин с разным уровнем образования, но не сравнивали с ранее озвученными репродуктивными планами [Архангельский, Шульгин, Зинькина, 2020]. А. О. Тындик проводила комплексное исследование дифференциации репродуктивного поведения у российских мужчин и женщин по уровню образования и пришла к выводу о существовании одновременно однородности репродуктивных установок и разной степени их реализации [Тындик, 2012а]. Использование нами данных Всероссийской переписи населения 2020 г. позволит проверить, сохранилась ли образовательная дифференциация в итоговой рождаемости и реализации репродуктивных намерений среди россиянок.

Мы исходим из того, что, во-первых, женщины с высшим образованием являются авангардной группой с точки зрения изменения числа рожденных детей и возраста начала материнства: они первыми начали откладывать рождение детей, первыми использовали современные средства контрацепции и делали выбор в пользу малодетности, — нормы и паттерны их репродуктивного поведения постепенно распространяются на женщин с более низким уровнем образования; во-вторых, уровень образования тесно связан с уровнем дохода, социальным статусом, гендерным равенством и другими показателями социально-экономического

положения женщины в обществе, а также является индикатором ценностных установок относительно создания семьи, рождения детей, самореализации. Существование в населении социально-демографических групп с разным репродуктивным поведением является вызовом для социально-демографической политики ввиду необходимости отслеживать как изменения в линиях репродуктивного поведения, так и их причины, а также потребности и барьеры на пути реализации запланированного числа рождений, что приобретает дополнительную актуальность в свете низкой рождаемости в России и попыток найти эффективные инструменты и способы ее повышения.

Данные и методы

Мы использовали информацию из пяти источников данных.

Первый источник данных — итоги Всероссийской переписи населения 2020 г., проведенной осенью 2021 года. Опубликованные результаты (том 9) содержат среднее число рожденных детей в сочетании с демографическими, социальными и экономическими характеристиками женщин, в том числе с уровнем образования. Данные приведены не по году рождения, а по возрастным группам (15—17, 18—19, 20—24, ..., 65—69, 70 лет и старше) и по девяти уровням образования — от «не имеющих образования» до «кадров высшей квалификации».

В нашей работе среднее число рожденных детей в возрастных группах от 30—34 до 65—69 лет используется как индикатор итоговой рождаемости реальных поколений. Мы выделяем три укрупненные образовательные группы: (1) женщины с высшим и неполным высшим образованием, включая кадры высшей квалификации; (2) женщины со средним профессиональным образованием; (3) женщины со средним общим образованием.

Женщины с образованием ниже среднего в анализ не включались по нескольким причинам. Во-первых, эта группа малочисленна: по данным Всероссийской переписи населения (ВПН) за 2020 г., в рассматриваемых возрастных группах ее доля составляет от 5,7 до 9,1 % в зависимости от возраста, поэтому ее вклад в суммарную рождаемость невелик¹. Во-вторых, в используемых далее выборочных обследованиях число респонденток с таким уровнем образования в пятилетних возрастных группах нередко оказывается меньше 30 — ниже минимума, необходимого для статистического анализа. Наконец, эта группа, по-видимому, неоднородна и отличается от остальных по социально-демографическому портрету и состоянию здоровья, которое само по себе может влиять на способность иметь детей; в нее входят, в частности, представители некоторых этнических меньшинств и лица с хроническими заболеваниями, требующими стационарного лечения или обучения по адаптированным программам. Специфика этой группы требует отдельного изучения.

Расчет среднего числа когда-либо рожденных детей в трех образовательных группах выполнен на основе данных из таблицы 5 тома 9 («Среднее число рож-

¹ Малочисленность этой группы закономерна: среднее образование для рассматриваемых поколений фактически всеобщее. В СССР обязательное восьмилетнее образование было введено законом «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» (1958 г.), а в современной России основное общее и среднее общее образование обязательны согласно ч. 5 ст. 66 Федерального закона № 273-ФЗ.

денных детей женщинами, проживающими в частных домохозяйствах, имеющими различный уровень образования») и таблицы 1 тома 3 («Население по возрасту, полу и уровню образования»). Среднее число рожденных детей в каждой из возрастных групп получено путем взвешивания показателей относительно численности женщин с указанными уровнями образования.

Второй источник — данные о накопленной рождаемости к возрасту 45 лет для российских женщин поколений 1950—1979 гг. р. из Базы показателей рождаемости россиянок НИУ ВШЭ. Отметим, что показатели накопленной рождаемости и итоговой рождаемости по переписи населения имеют под собой разные основания. Расчет показателя накопленной рождаемости основан на использовании данных текущего учета, а именно возрастных коэффициентов рождаемости по однолетним группам возраста матери (подробнее см. [Churilova et al., 2024]). Показатель итоговой рождаемости (среднее число когда-либо рожденных детей) по ВПН-2020 — показатель, получаемый из ответа женщин на вопрос «Сколько детей Вы родили?». Его недостаток связан с тем, что, во-первых, женщины часто умалчивают об умерших детях, что может приводить к небольшому занижению числа рождений в старших возрастных группах, в данном случае — в поколениях, чей активный репродуктивный возраст пришелся на 1970-е — 1990-е годы, когда младенческая смертность была существенно выше современного уровня. Во-вторых, пожилые женщины могут забывать или неправильно указывать число рожденных детей из-за проблем с памятью или состоянием здоровья.

Третий источник — это массив микроданных Микропереписи населения 1994 г., в анкете которой был вопрос и об ожидаемом числе детей. Данная микроперепись проводилась с 14 по 23 февраля и охватила 5% населения. Вопрос об ожидаемом числе детей был сформулирован как «Сколько детей Вы собираетесь иметь, включая уже имеющихся?» и задавался всем женщинам от 15 до 44 лет. На этот вопрос ответили 1425,5 тыс. женщин. Для анализа мы отобрали женщин в возрасте 18—42 года, что соответствует возрасту 45—69 лет в 2021 г. Информация и об уровне образования, и об ожидаемом числе детей доступна для 1353,1 тыс. женщин данного диапазона возрастов.

Четвертый источник — данные первой волны выборочного социально-демографического обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РидМиЖ)², проведенного в 2004 г. Общий объем выборки — 11261 респондент в возрасте от 18 до 81 года, из которых 7038 — женщины. Вопросник не содержал прямого вопроса об ожидаемом числе детей, вместо него респондентам репродуктивного возраста задавались вопросы о планах завести (еще одного) ребенка: «Собираетесь ли Вы завести (еще одного) ребенка в течение ближайших трех лет?», «Предположим, что Вы не собираетесь заводить (еще одного) ребенка в течение ближайших трех лет, а хотели бы Вы вообще когда-нибудь завести (еще) детей?» и «Сколько еще детей дополнительно к имеющимся Вы собираетесь иметь? Если у Вас пока нет детей, то сколько Вы собираетесь иметь всего?». Переменная об ожидаемом числе детей была рассчитана а) как число уже

² Панельное социально-демографическое обследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РидМиЖ) является частью международной программы «Поколения и гендер». Данные обследования доступны на сайте <https://www.ggp-i.org> (дата обращения: 07.03.2026).

рожденных детей — для тех женщин, которые определенно не хотят иметь вообще или еще детей, б) как сумма числа уже рожденных детей и числа детей, которых женщина собирается родить, — для тех, у кого уже есть дети, и в) как число детей, которых женщина собирается иметь, — для бездетных женщин.

Пятый источник — данные Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения Росстата (РПН)³, проведенного в 2012 г. Общий объем выборки составил 10054 респондентов в возрасте от 18 до 61 года, из которых 5144 — женщины. Вопрос об ожидаемом числе детей был сформулирован классическим образом: «Сколько всего детей (включая имеющихся) Вы собираетесь иметь?». Ответ на вопрос предполагал в том числе вариант «Трудно сказать». Этот вариант ответа выбрали 372 респондентки, которые в дальнейшем были исключены из анализа.

Распределение числа женщин по году рождения в используемых выборочных обследованиях представлено в Приложении 1. Распределение числа женщин по возрасту и уровню образования для трех выборочных обследований приведено в таблице 1.

Таблица 1. **Распределение женщин по пятилетним группам возраста и уровню образования в трех выборочных обследованиях: МПН-1994, РидМиЖ-2004 и РПН-2012**

Возраст на момент ВПН-2020	Возраст на момент МПН-1994	МПН-1994			Возраст на момент РидМиЖ-2004	РидМиЖ-2004			Возраст на момент РПН-2012	РПН-2012		
		Высшее	Среднее профессиональное	Среднее общее		Высшее	Среднее профессиональное	Среднее общее		Высшее	Среднее профессиональное	Среднее общее
30—34									21—25	399	189	86
35—39					18—22	105	168	163	26—30	491	261	80
40—44					23—27	174	254	55	31—35	400	249	108
45—49					28—32	165	296	63	36—40	382	326	100
50—54	23—27	52 117	86 623	83 362	33—37	133	329	61	41—45	347	336	78
55—59	28—32	60 382	91 963	90 930	38—42	158	351	89				
60—64	33—37	68 295	110 436	16 718	43—47	178	462	140				
65—69	38—42	62 157	100 294	96 832								

Проведенный нами анализ имеет ряд ограничений. Первое: данные МПН-1994, РидМиЖ-2004 и РПН-2012 — это данные выборочных обследований населения, репрезентативных для России в целом. При этом выборка МПН-1994 г. представляет собой 5 % от численности всего населения России, в то время как выборка РидМиЖ-2004 и РПН-2012 — чуть более 10 тыс. человек. Поэтому наполненность

³ Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2012 году // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN/Publisher/index.html (дата обращения: 07.03.2026).

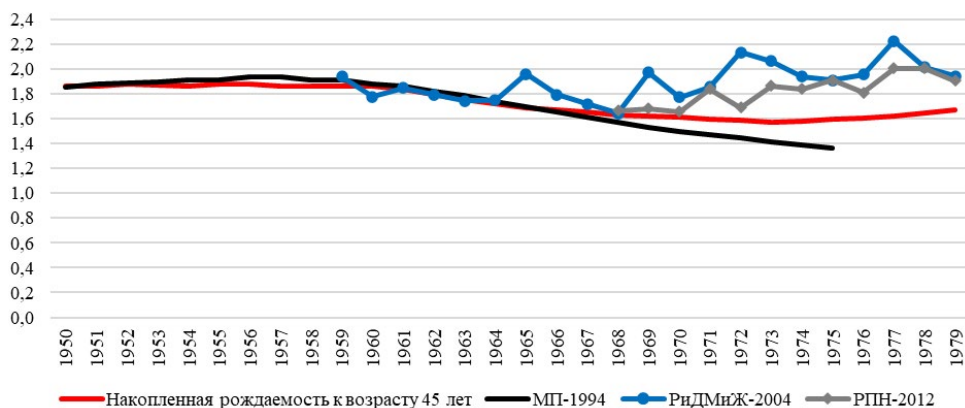
групп как по однолетним когортам, так и по пятилетним группам возраста и уровню образования в ряде случаев невелика, и точность оценок по РидМиЖ-2004 и РПН-2012 ниже, чем по МПН-1994. Второе: существующие исследования показывают, что половина россиянок в когортах 1950—1979 гг.р. получили профессиональное образование к 19 годам, а женщины из когорт 1980-х гг. — к 20 годам, при этом медианные возрасты для вступления в брак и рождения ребенка на 1—2 года больше [Митрофанова, 2023; Mitrofanova, Makarov, 2023]. С одной стороны, это означает, что, несмотря на концентрированность первых социально-демографических событий у российских женщин до 25 лет, получение полного профессионального образования все же предшествует материнскому дебюту; с другой стороны, что часть женщин рождает ребенка до получения профессионального образования. К сожалению, нам неизвестен процент женщин, родивших в процессе учебы и в итоге завершивших обучение, поэтому мы исходим из того, что уровень образования женщин, которым на момент участия в используемых нами выборочных исследованиях было меньше 25 лет, остался неизменным.

Результаты

Репродуктивные намерения и их реализация среди женщин 1950—1979 гг. р.

На рисунке 1 представлены накопленная рождаемость к 45 годам у женщин из поколений 1950—1979 гг. р. и среднее ожидаемое число детей у женщин из этих же поколений по данным МПН-1994 г., РидМиЖ-2004 и РПН-2012 г. Число респондентов и стандартные ошибки среднего для оценок среднего ожидаемого числа детей для трех выборочных обследований приведены в Приложении 1.

Рис. 1. Накопленная рождаемость женщин к 45 годам и среднее ожидаемое число детей по данным выборочных обследований по году рождения женщин

Показатели накопленной рождаемости к возрасту 45 лет и ожидаемого числа детей по Микрореперисы населения 1994 г. довольно близки в женских когортах 1950—1966 гг. р., разница между этими показателями в зависимости от когорты составляет от 0,01 до 0,05 ребенка на женщину: именно на столько меньше запланированных детей родили женщины из этих поколений. Различия между

показателем накопленной рождаемости к 45 годам и ожидаемым числом детей нарастают у когорт 1967—1975 г. р. Однако нужно отметить, что на момент проведения микропереписи возраст этих женщин составлял от 18 до 26 лет: чем моложе была женщина на момент микропереписи, тем в среднем меньшее число детей она планировала родить. При этом исследователи ранее уже указывали на большую долю неответов на вопрос об ожидаемом числе детей среди молодых женщин до 24 лет, что говорит в том числе о высокой неопределенности относительно репродуктивных планов в этих возрастах [Андреев, Харьковская, 2013]. Кроме того, проведение микропереписи пришлось на политически и экономически сложные годы после распада Советского Союза, что, как ранее уже отмечалось в научной литературе, могло повлиять на декларируемые намерения о рождении детей [Чурилова, Захаров, 2019; Козлова, Архангельский, 2021].

Ряды средних ожидаемых чисел детей по году рождения женщины по данным РидМиЖ-2004 и РПН-2012 выглядят менее гладко, чем по данным МПН-1994, из-за гораздо меньшего объема выборки. Тем не менее они дают нам важное представление о том, какое число детей озвучивали женщины одного года рождения в разные календарные годы. Мы можем зафиксировать, первое, что репродуктивные планы женщин из поколений 1970-х гг. р., постепенно возрастали. Второе, что и по РидМиЖ-2004, и по РПН-2012 были получены довольно близкие значения ожидаемого числа детей, хотя для более старших когорт по РПН-2012 оно ниже, чем по РидМиЖ-2004. Эта особенность логично объясняется эффектом возраста и коррекции жизненных планов: женщины, близкие к завершению репродуктивного возраста, все же склонны более продуманно оценивать свои жизненные планы и репродуктивные возможности. Третье, существует довольно значительный разрыв между накопленной к 45 годам рождаемостью женщин из поколений 1970-х гг. рождения и средним ожидаемым ими числом детей. Величина этого разрыва в отдельных женских когортах достигает 0,5 рождения на женщину при сравнении с РидМиЖ-2004 и до 0,3 рождения на женщину при сравнении с РПН-2012.

Ожидаемое число детей у женщин с разным уровнем образования

Мы проанализировали ожидаемое число детей, основываясь на ответах женщин разного возраста и с разным уровнем образования по трем источникам данных: МПН-1994, РидМиЖ-2004, РПН-2012 (см. табл. 2, результаты проверки статистической значимости различий между группами представлены в Приложениях 2 и 3).

По данным МПН-1994 прослеживается обратная связь между уровнем образования и ожидаемым числом детей: чем выше был уровень образования женщины, тем меньшее число детей она собиралась родить. Это верно для женщин из разных поколений — как тех, кто на момент проведения МПН-1994 был молод, так и тех, чей репродуктивный возраст подходил к окончанию. При этом поколенческие различия в ожидаемом числе детей наблюдаются во всех образовательных группах: среднее ожидаемое число детей тем выше, чем старше была женщина на момент опроса. Отметим, что среднее ожидаемое число детей, близкое или равное уровню воспроизводства, называли только женщины в возрасте от 33 до 42 лет со средним общим образованием.

Таблица 2. Среднее ожидаемое число детей
по уровню образования женщины и возрастным группам

Возраст на момент ВПН-2020	Возраст на момент МПН-1994	МПН-1994			Возраст на момент РидМиж-2004	РидМиж – 2004			Возраст на момент РПН-2012	РПН-2012		
		Высшее	Среднее специальное	Среднее общее		Высшее	Среднее специальное	Среднее общее		Высшее	Среднее специальное	Среднее общее
Среднее ожидаемое число детей												
30—34									21—25	1,98	2,02	2,13
35—39					18—22	2,02	1,76	1,80	26—30	2,00	1,98	2,06
40—44					23—27	1,96	1,99	2,00	31—35	1,98	1,95	2,09
45—49					28—32	1,91	1,96	2,14	36—40	1,79	1,86	2,02
50—54	23—27	1,43	1,52	1,60	33—37	1,74	1,76	1,83	41—45	1,57	1,73	2,12
55—59	28—32	1,54	1,72	1,87	38—42	1,65	1,81	2,02				
60—64	33—37	1,77	1,97	2,13	43—47	1,67	1,87	2,12				
65—69	38—42	1,67	1,86	2,02								
Стандартная ошибка среднего												
30—34									21—25	,04	,05	,06
35—39					18—22	,07	,10	,12	26—30	,03	,05	,09
40—44					23—27	,08	,06	,18	31—35	,04	,05	,09
45—49					28—32	,06	,05	,13	36—40	,04	,05	,11
50—54	23—27	,004	,003	,003	33—37	,07	,05	,09	41—45	,04	,05	,13
55—59	28—32	,003	,003	,003	38—42	,08	,05	,14				
60—64	33—37	,003	,003	,003	43—47	,07	,05	,11				
65—69	38—42	,003	,003	,003								

По данным РидМиж-2004 аналогичная обратная связь между уровнем образования и ожидаемым числом детей наблюдалась только для женщин, перешагнувших 30-летний рубеж, то есть тех, кто был старше 18 лет на момент проведения МПН-1994 или достиг совершеннолетия во второй половине 1990-х годов. Для женщин моложе 30 лет были характерны изменения в репродуктивных планах: во-первых, стерлись различия в ожидаемом числе детей между женщинами с высшим образованием и женщинами со средним профессиональным образованием, во-вторых, ожидаемое число детей у женщин этого возраста с этими уровнями образования стало выше и приблизилось к уровню простого воспроизводства в сравнении с женщинами более старшего возраста с аналогичным уровнем образования.

Наконец, данные РПН-2012 подтверждают отсутствие значимой образовательной дифференциации ожидаемого числа детей у молодых женщин в возрасте младше 35 лет и одновременно ее наличие у женщин старше этого возраста. Таким образом, речь идет о выравнивании репродуктивных планов молодых жен-

щин с разным уровнем образования и о сохранении высокой однородности репродуктивных намерений, ранее выявленной в работе А. О. Тындик [20126].

Реализация запланированного числа рождений

Мы сопоставили, насколько итоговое среднее число родившихся детей у женщин с разным уровнем образования к моменту ВПН-2020 соответствует изначальным и промежуточным планам женщин с аналогичным уровнем образования по данным МПН-1994, РидМиЖ-2004 и РПН-2012.

Самым старшим рассматриваемым нами поколением женщин в момент проведения ВПН-2020 было 65—69 лет. При проведении МПН в 1994 г. их возраст был от 38 до 42 лет. Учитывая довольно молодую возрастную модель рождаемости в России в советский период и в середине 1990-х годов, мы закономерным образом обнаружили, что среднее число когда-либо рожденных детей у этих женщин минимально отличается от среднего ожидаемого числа детей (см. табл. 3). Присутствует отрицательная связь уровня образования и среднего числа когда-либо рожденных детей. В целом в этой возрастной группе женщины независимо от уровня образования родили столько же, сколько планировали. Аналогичный вывод мы можем сделать и для женщин в возрастах 55—59 и 60—64 лет на момент ВПН-2020: доля реализованных намерений как при сравнении с ожидаемым числом детей по данным МПН-1994, так и по данным РидМиЖ-2004 для них составляет более 90 % независимо от уровня образования.

Таблица 3. **Итоговая рождаемость и процент выполнения репродуктивных намерений от ожидаемого числа детей по возрасту матери**

Возраст на момент ВПН-2020	Итоговая рождаемость			% выполненных намерений								
	ВПН-2020			МПН-1994			РидМиЖ-2004			РПН-2012		
	Высшее	Среднее специальное	Среднее общее	Высшее	Среднее специальное	Среднее общее	Высшее	Среднее специальное	Среднее общее	Высшее	Среднее специальное	Среднее общее
30—34	1,20	1,42	1,72							61	70	81
35—39	1,49	1,61	1,90				74	92	106	75	81	92
40—44	1,56	1,64	1,90				80	82	95	79	84	91
45—49	1,49	1,59	1,82				78	81	85	83	85	90
50—54	1,46	1,60	1,83	102	106	114	84	91	100	93	92	86
55—59	1,49	1,68	1,91	97	98	102	90	93	95			
60—64	1,58	1,77	1,94	90	90	91	95	95	92			
65—69	1,61	1,78	1,92	96	96	95						

Для тех женщин, которым на момент ВПН-2020 было 50—54 лет, прослеживается аналогичный образовательный градиент итогового числа рождений и ожидаемого числа детей. С той разницей, что этим женщинам на момент МПН-1994

было 23—27 лет и они находились в наиболее активных репродуктивных возрастах. Среднее число рожденных ими детей во всех образовательных группах оказалось несколько выше, чем ожидаемое число. Женщины из этих же поколений принимали участие и в РидМиЖ-2004 в возрасте 33—37 лет, и в РПН-2012 в возрасте 41—45 лет. Образовательные различия в ожидаемом числе детей присутствуют для данных поколений и по результатам этих опросов, при этом само по себе ожидаемое число детей по ответам оказалось сильно выше, чем раньше. Возможно, подобное изменение репродуктивных планов и оптимизм относительно необходимого числа детей внесли свой вклад в рождение большего среднего числа детей по сравнению с изначальными планами.

Для тех женщин, которым на момент переписи было 45—49 лет, характерна более близкая итоговая рождаемость по уровню образования в сравнении с женщинами из старшего поколения. Однако у них, как мы уже упоминали выше, репродуктивные планы оказались изначально выше, поэтому закономерно снизилась доля реализованных рождений. При этом обнаруживается негативная связь доли реализованных рождений с уровнем образования. Женщины с высшим образованием, по нашим оценкам, родили чуть более 70 % запланированных детей, со средним профессиональным — около 80 % детей, а со средним общим образованием — 85 %.

В более молодых поколениях женщин в возрасте от 30 до 44 лет ни по данным РидМиЖ-2004, ни по данным РПН-2012 не обнаружилось значимых различий в ожидаемом числе детей: женщины, имеющие высшее, среднее профессиональное или среднее основное образование, в среднем хотели бы родить около двух детей. Однако можно однозначно утверждать, что среднее число когда-либо рожденных детей к моменту ВПН-2020 у женщин, которым было от 30 до 44 лет, оказалось тем ниже, чем выше их уровень образования. Как следствие, разница между ожидаемым и уже рожденным числом детей также негативно связана с уровнем образования. Среди 30—34-летних женщин на момент ВПН-2020 среднее число рожденных детей составляет 60 % от ожидаемого в группе с высшим образованием, 70 % в группе со средним профессиональным и 80 % в группе со средним общим.

Среди женщин в возрасте 35—39 лет с высшим образованием среднее число рожденных детей составляет 75 % от ожидаемого, со средним профессиональным — около 80 % от ожидаемого, со средним общим — 92 % от ожидаемого. Аналогичный образовательный градиент реализации репродуктивных планов наблюдается и у женщин 40—44 лет. Эти числа свидетельствуют о том, что женщины в возрасте до 45 лет с разным уровнем образования хоть и декларировали одинаковые ожидания относительно количества детей в семье, но планы реализовали в разной степени. При этом женщины в возрасте 30—34 лет еще достаточно молоды, чтобы успеть родить больше детей, с некоторой осторожностью можно так же сказать и о женщинах в возрасте 35—39 лет, но значимая образовательная дифференциация в реализации репродуктивных ожиданий у женщин старше 40 лет уже явно не снизится.

В целом, если рассматривать разницу между итоговой рождаемостью и ожидаемым числом детей не в доле реализованных рождений, а в числе детей на жен-

щину (см. табл. 4), то разница по модулю в этих показателях в поколениях женщин, которым на момент переписи 2020 г. было от 55 до 69 лет, составляет от 0,1 до 0,2 рождения — именно на столько больше могла быть выше итоговая рождаемость, если бы все женщины родили изначально запланированное число детей. Поколение женщин, которым на момент переписи было 50—54 лет, пока остается единственным перевыполнившим репродуктивные планы молодости, однако эти женщины все равно родили меньше, чем им хотелось бы в более позднем возрасте. В более молодых поколениях наблюдается более существенная разница между планами и их реализацией: от 0,2 до 0,4 рождения в зависимости от уровня образования среди женщин старше 40 лет. В поколениях женщин в возрасте от 30 до 39 лет разрыв пока составляет от 0,2 до 0,8 ребенка на женщину в зависимости от уровня образования женщины.

Таблица 4. Разница между итоговым и ожидаемым числом рождений

Возраст на момент ВПН-2020	МПН-1994			РИДМИЖ-2004			РПН-2012		
	Высшее	Среднее специальное	Среднее общее	Высшее	Среднее специальное	Среднее общее	Высшее	Среднее специальное	Среднее общее
30—34							–0,78	–0,60	–0,41
35—39				–0,53	–0,15	0,10	–0,51	–0,37	–0,17
40—44				–0,40	–0,35	–0,10	–0,42	–0,31	–0,18
45—49				–0,42	–0,37	–0,32	–0,29	–0,27	–0,20
50—54	0,02	0,08	0,23	–0,28	–0,16	0,00	–0,12	–0,13	–0,29
55—59	–0,04	–0,04	0,04	–0,16	–0,12	–0,11			
60—64	–0,18	–0,20	–0,19	–0,09	–0,10	–0,17			
65—69	–0,06	–0,08	–0,10						

Заключение

Наша цель состояла в исследовании выполнения репродуктивных планов женщин с привлечением данных из пяти разных источников: данных о накопленной рождаемости россиянок на основе официальной статистики, результатов переписи населения 2020 г. и трех выборочных обследований. Каждый из этих источников данных обладает своими преимуществами и недостатками. В частности, различаются размеры выборок и формулировки вопросов, а также отсутствует информация об образовательной траектории респондентов в используемых социально-демографических обследованиях. Но, несмотря на неполную методологическую сопоставимость этих исследований, по итогам анализа мы увидели схожие тенденции касательно репродуктивных планов женщин с разным уровнем образования. Появление крупного регулярного выборочного обследования с панельной составляющей, собирающего подробную информацию о датах получения образования разного уровня, датах рождения детей, вступления в брак и сожительство, позволило бы расширить анализ.

По итогам проведенного анализа мы можем сделать следующие выводы. Первое, мы зафиксировали повышение среднего ожидаемого числа детей в поколениях женщин, родившихся в 1970-е годы, по сравнению с их предшественницами. Полагаем, что это изменение репродуктивных планов сказалось и на итоговой рождаемости, так как именно с поколения 1973 г. р. наблюдается ее увеличение. Второе, мы подтвердили существование однородности репродуктивных установок у молодых россиянок с разным уровнем образования, что ранее было выявлено в работе [Тындик, 2012б]. Третье, мы зафиксировали увеличение разрыва между средним ожидаемым числом детей по данным выборочных обследований и накопленным числом рождений к возрасту 45 лет. Мы не ставили перед собой задачу выявить причины нарастания этого разрыва, но можем утверждать, что в России, как и в некоторых других странах, ожидаемое число детей в молодых (и даже в активных репродуктивных) возрастах перестает играть роль ориентира итоговой рождаемости реального поколения. Четвертое, среди женщин, которым на момент ВПН-2020 г. было более 50 лет, образовательная дифференциация наблюдалась как по репродуктивным планам согласно обследованиям, проведенным в период их молодости, так и по итоговому числу рожденных детей. Но эти женщины фактически родили то среднее число детей, которое изначально планировали.

Пятое, среди женщин, которым на момент ВПН-2020 г. было 45—49 лет, проявляются сразу два образовательных градиента. Во-первых, сохраняется обычная обратная связь уровня образования как с ожидаемым, так и с итоговым числом детей: чем выше уровень образования, тем меньше детей женщины и планировали, и в итоге родили. Во-вторых, с уровнем образования связана и степень недореализации этих планов: чем выше уровень образования, тем большая доля запланированных рождений осталась неосуществленной. Этих женщин опрашивали дважды. В 1994 г., будучи совсем молодыми (19—23 года), они называли сравнительно низкое ожидаемое число детей — и в итоге родили больше, чем тогда планировали. Однако к 2004 г., наиболее активному репродуктивному возрасту (28—32 года), они родили заметно меньше, чем ожидали. Недовыполнение планов 2004 г. характерно для всех образовательных групп, но выражено тем сильнее, чем выше уровень образования.

Шестое, мы не обнаружили сильных различий в репродуктивных планах женщин в возрасте от 35 до 44 лет в зависимости от уровня образования, но зафиксировали, что к моменту ВПН-2020 г. они родили в среднем меньшее число детей, чем собирались родить по опросам общественного мнения, проведенным в период их молодости и нахождения в наиболее активных репродуктивных возрастах. Разрыв между ожидаемым и реализованным числом рождений тем больше, чем выше уровень образования женщины. При этом женщины с высшим и неполным высшим образованием не реализовали в этих возрастных группах порядка 20—25 % среднего запланированного числа рождений, женщины со средним профессиональным — от 15 до 20 %, а со средним общим — 8 % запланированных рождений. Это означает, что есть определенные причины или сложности, мешающие осуществлению репродуктивных планов и приводящие к отказу от рождения детей во всех образовательных группах.

Российские исследователи в начале 2010-х годов пытались разобраться в причинах существования образовательного градиента в недореализации репродуктивных планов и, в частности, призывали к внедрению мер политики, ориентированных на разные образовательные группы [Тындик, 2012а]. В конце 2024 г. вышел совместный доклад Общественной палаты РФ и Федеральной службы государственной статистики, в котором подчеркивается, что «*нереализованная потребность в детях у возрастной категории 30—40 лет — самый большой резерв восстановления рождаемости в стране*» [Семья и дети в России, 2024: 23]. Мы не можем не согласиться с этим выводом, но все же хотелось бы добавить, что наиболее далеки от достижения запланированного числа детей в этой возрастной группе оказались женщины с высшим образованием. Если для женщин с высшим образованием в возрасте 30—34 лет мы можем предположить, что они начали рожать позже и, возможно, в итоге догонят по числу рожденных детей женщин с более низким уровнем образования, то у женщин 35—39 лет уже биологически меньше шансов реализовать отложенные деторождения, и поэтому вероятно, что сохранится столь большой наблюдаемый разрыв между планами и их реализацией.

Учитывая, что женщины с высшим образованием обладают большим человеческим капиталом, чем женщины с более низким уровнем образования, кажется логичным выявление факторов и причин, мешающих реализации ими их репродуктивных планов. Но, с другой стороны, женщины с образованием ниже высшего тоже стали реже рожать изначально запланированное число детей. Является ли это следствием откладывания деторождений, что, учитывая возрастные биологические ограничения, ведет к невозможности родить желанное число детей? Или же финансовая и жилищная необеспеченность, которыми в опросах общественного мнения женщины часто объясняют свое нежелание родить (еще одного) ребенка, настолько велики, что ведут к столь высокому проценту отказов от рождения этого ребенка?

Мы хотели бы обратить внимание на то, что в России, как и в других странах, увеличение длительности периода получения профессионального образования остановилось, то есть объяснить откладывание рождений на более поздний возраст и снижение рождаемости расширением группы женщин, получающих высшее образование, нельзя. При этом по опросам общественного мнения⁴ семья и дети остаются одними из главных ценностей для россиян.

Мы предполагаем, что причиной нарастающей недореализации репродуктивных планов становятся иные факторы, имеющие нематериальный характер, так как группа высокообразованных женщин довольно широко представлена в российском обществе. Изменения в репродуктивном поведении после 1960-х и снижение рождаемости ниже уровня простого воспроизводства в развитых странах объяснялись появлением возможности планирования семьи, фокусом на самореализации, вписыванием рождения детей в индивидуальный жизненный путь, поиском баланса семьи и карьеры: всеми теми демографическими и социальными изменениями, которые объединены теорией Второго демографического перехода [Lesthaeghe, 2014]. Сейчас исследователи все больше внимания обращают

⁴ Семья в системе ценностей россиян // ВЦИОМ. 2024. 6 июня. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/senja-v-sisteme-cennostei-rossijan> (дата обращения: 07.03.2026).

на увеличение влияния создаваемой медиа идеальной картинки, транслирующей стандарты жизни и потребления, а также нарастание неуверенности в будущем, а также на факторы, связанные с нежеланием менять образ жизни [Rotkirch, 2020; Savelieva, Jokela, Rotkirch, 2022], нарастание гедонизма и ценности жизни в свое удовольствие [Leijen, van Herk, Bardi, 2022], в том числе среди россиян [Магун, 2023], что в целом не противоречит теории Второго демографического перехода, но говорит об усилении влияния культуры и ценностей на принятие решений о рождении детей. Полагаем, стирание образовательных различий в репродуктивных планах означает появление социально-экономической однородности в предпочитаемой детности. Тогда как разница в реализации запланированного числа рождений между разными образовательными группами может свидетельствовать не только о большем детоцентризме или большем интенсивном родителстве со стороны женщин с более высоким уровнем образования, но и о появлении конкуренции между материальными затратами на рождение (еще одного) ребенка и на жизнь в свое удовольствие и удовольствие уже рожденных детей, так как рождение большего числа детей ведет к снижению уровня жизни.

Список литературы (References)

1. Андреев Е. М., Бондарская Г. А. Можно ли использовать данные об ожидаемом числе детей в прогнозе численности населения // Вопросы статистики. 2000. № 11. С. 56—62.
Andreev E. M., Bondarskaya G. A. (2000) Can the Expected Number of Children Be Used in Population Forecasting. *Voprosy Statistiki*. No. 11. P. 56—62 (In Russ.)
2. Андреев Е. М., Харьковская Т. Л. Сравнительный анализ данных из разных источников о числе рожденных детей // Вопросы статистики. 2013. № 5. С. 38—46.
Andreev E. M., Kharkova T. L. (2013) Comparative Analysis of Data from Different Sources on the Number of Children Born. *Voprosy Statistiki*. No. 5. P. 38—46 (In Russ.)
3. Архангельский В. Н., Шульгин С. Г., Зинькина Ю. В. Репродуктивное поведение российских женщин в зависимости от образовательного статуса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 3. С. 546—559. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-546-559>.
Arkhangelsky V. N., Shulgin S. G., Zinkina Yu. V. (2020) Reproductive Behavior of Russian Women as Depending on Their Level of Education. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 20. No. 3. P. 546—559. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-546-559>. (In Russ.)
4. Гудкова Т. Б. Репродуктивные намерения россиян: мотивация и сдерживающие факторы // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6. № 4. С. 83—103. <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i4.10428>.
Gudkova T. B. (2019) Fertility Intentions in Russia: Motivation and Constraints. *Demographic Review*. Vol. 6. No. 4. P. 83—103. <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i4.10428>. (In Russ.)

5. Козлова О. А., Архангельский В. Н. Прогноз рождаемости в России: подходы, гипотезы, результаты // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91. № 9. С. 845—855. <https://doi.org/10.31857/S0869587321090061>.
Kozlova O. A., Arkhangelsky V. N. (2021) Russian Fertility Forecast: Approaches, Hypotheses, and Results. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 91. No. 9. P. 845—855. <https://doi.org/10.31857/S0869587321090061>. (In Russ.)
6. Магун В. С. Эволюция базовых ценностей российского населения, 2006—2021 годы // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 44—58.
Magun V. S. (2023) The Evolution of Basic Human Values of the Russians, 2006—2021. *Sociological Studies*. No. 12. P. 44—58. (In Russ.)
7. Макаренцева А. О., Бирюкова С. С. Факторы, устойчивость и реализация репродуктивных намерений в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. Т. 2. № 174. С. 31—56. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2379>.
Makarentseva A. O., Biryukova S. S. (2023) Factors, Consistency, and Realization of Reproductive Intentions in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. Vol. 2. No. 174. P. 31—56. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2379>. (In Russ.)
8. Митрофанова Е. С. Календари и последовательности событий у разных поколений взрослеющих жителей Франции, Эстонии и России // Демографическое обозрение. 2023. Т. 10. № 1. С. 108—135. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i1.17262>.
Mitrofanova E. S. (2023) Calendars and Sequences of Events During the Transition to Adulthood Among Different Generations in France, Estonia and Russia. *Demographic Review*. Vol. 10. No. 1. P. 108—135. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i1.17262>. (In Russ.)
9. Осипова И. Репродуктивные установки россиян и отношение к государственным мерам поддержки рождаемости // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 2. С. 97—120. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i2.11143>.
Osipova I. (2020) Reproductive Attitudes of Russians and How They Regard Government Measures to Support Fertility. *Demographic Review*. Vol. 7. No. 2. P. 97—120. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i2.11143>. (In Russ.)
10. Семья и дети в России. Специальный доклад Общественной палаты Российской Федерации. Статистический сборник Росстата / общ. ред. и сост. Галкина С. С. и Михеевой Л. Ю. М.: ОП РФ, 2024. URL: <https://files.oprf.ru/storage/documents/doklad-semiya-deti-2024.pdf> (дата обращения: 01.07.2025)
Galkina S. S., Mikheeva L. Yu. (eds.) (2024) Family and Children in Russia. Special Report of the Civic Chamber of the Russian Federation. Rosstat Statistical Handbook. Moscow: The Civic Chamber of the Russian Federation. URL: <https://files.oprf.ru/storage/documents/doklad-semiya-deti-2024.pdf> (accessed: 01.07.2025). (In Russ.)

11. Синявская О. В., Тындык А. О. Вклад репродуктивных намерений в объяснение рождаемости в современной России // X Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 3 кн. Кн. 3. / общ. ред. и сост. Е. Г. Ясина. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2010. С. 22—30.
 Sinyavskaya O. V., Tyndik A. O. (2010) Contribution of Reproductive Intentions in Explaining Fertility in Modern Russia. In: Yasin Ye. G. (ed.) *X International Scientific Conference on Problems of Development of Economy and Society*. Moscow: HSE Press. P. 22—30. (In Russ.)
12. Тындык А. О. Репродуктивные установки и их реализация в современной России // Журнал исследований социальной политики. 2012а. Т. 10. № 3. С. 361—376. <https://jsps.hse.ru/article/view/3471>.
 Tyndik A. O. (2012a) Reproductive Attitudes and Their Realization in Modern Russia. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 10. No. 3. P. 361—376. <https://jsps.hse.ru/article/view/3471> (In Russ.)
13. Тындык А. О. Образовательный фактор репродуктивного поведения населения России: автореф. дисс. ... канд. экон. наук. Москва, 2012б.
 Tyndik A. O. (2012b) Educational Factor of Reproductive Behaviour of the Russian Population. Extended Abstract of PhD Dissertation in Economic Science. Moscow. (In Russ.)
14. Чурилова Е. В., Захаров С. В. Репродуктивные установки населения России: есть ли повод для оптимизма? // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2019. Т. 129. № 3—4. С. 69—89.
 Churilova E. V., Zakharov S. V. (2019) Reproductive Attitudes of the Russian Population: is There a Reason for Optimism? *The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions*. Vol. 129. No. 3—4. P. 69—89. (In Russ.)
15. Чурилова Е. В. Репродуктивные установки в современной России: постоянство идеала двухдетной семьи на фоне меняющегося репродуктивного поведения // Аист на крыше. Демографический журнал. 2023. № 11. Ст. 1.
 Churilova E. V. (2023) Reproductive Attitudes in Modern Russia: the Constancy of the Ideal of a Two-child Family Against the Background of Changing Reproductive Behaviour. *Stork on the Roof. Demographic Journal*. No. 11. Art. 1. (In Russ.)
16. Beaujouan E., Berghammer C. (2019) The Gap Between Lifetime Fertility Intentions and Completed Fertility in Europe and the United States: A Cohort Approach. *Population Research and Policy Review*. Vol. 38. P. 507—535. <https://doi.org/10.1007/s11113-019-09516-3>.
17. Beaujouan E., Singh S. (2025) Do Fertility Goals Provide a Good Approximation of Fertility Patterns? Report on webinar “Fertility Goals: Conceptualization, Measurement, and Impact for Science and Policy”. 24 March 2025. <https://www.bgsu.edu/ohio-population-consortium/events-opc/webinar.html> (accessed: 01.07.2025)
18. Berrington A., Pattaro S. (2014) Educational Differences in Fertility Desires, Intentions and Behaviour: A Life Course Perspective. *Advances in Life Course Research*, Vol. 21, P. 10—27, <https://doi.org/10.1016/j.alcr.2013.12.003>.

19. Churilova E., Andreev E. M., Chertenkov K., Kishenin P., Rodina O., Sokolova V. (2024) Russian Fertility Database. *Population and Economics*. Vol. 8. No. 4. P. 138—149. <https://doi.org/10.3897/popecon.8.e135073>.
20. Hudde A., Cohen P. N. (2024) Completed US Fertility by Sex, Cohort, and Education Level. *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*. Vol. 10. P. 1—3. <https://doi.org/10.1177/237802312412616>.
21. Jalovaara M., Neyer G., Andersson G., Dahlberg J., Dommermuth L., Fallesen P., Lappegård T. (2019) Education, Gender, and Cohort Fertility in the Nordic Countries. *European Journal of Population*. Vol. 35. P. 563—586. <https://doi.org/10.1007/s10680-018-9492-2>.
22. Lesthaeghe R. (2014) The Second Demographic Transition: A Concise Overview of Its Development. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 111. No. 51. P. 18112—18115. <https://doi.org/10.1073/pnas.1420441111>.
23. Leijen I., van Herk H., Bardi A. (2022) Individual and Generational Value Change in an Adult Population, a 12-year Longitudinal Panel Study. *Scientific Reports*. Vol. 12. No. 1. Art. 17844. <https://doi.org/10.1038/s41598-022-22862-1>.
24. Mitrofanova E. S., Makarov S. A. (2023) West and East: Convergence or Divergence of Millennials' Transition to Adulthood in Four European Countries. *Population and Economics*. Vol. 7. No. 4. P. 68—90. <https://doi.org/10.3897/popecon.7.e112452>.
25. Nisén J., Klüsener S., Dahlberg J., Dommermuth L., Jasilionienė A., Kreyenfeld M., Lappegård T., Li P., Martikainen P., Neels K., Riederer B. (2021) Educational Differences in Cohort Fertility Across Sub-national Regions in Europe. *European Journal of Population*. Vol. 37. P. 263—295. <https://doi.org/10.1007/s10680-020-09562-0>.
26. Rotkirch A. (2020) The Wish for a Child. *Vienna Yearbook of Population Research*. Vol. 18. P. 49—61. <https://doi.org/10.1553/populationyearbook2020.deb05>.
27. Savelieva K., Jokela M., Rotkirch A. (2022) Reasons to Postpone Childbearing During Fertility Decline in Finland. *Marriage & Family Review*, Vol. 59. No. 3. P. 253—276. <https://doi.org/10.1080/01494929.2022.2083283>.
28. Zeman K., Brzozowska Z., Sobotka T., Beaujouan E., Matysiak A. (2017) Cohort Fertility and Education Database. Methods Protocol.

**Приложение 1. Накопленная рождаемость к возрасту 45 лет
и среднее ожидаемое число детей в когортах женщин 1949—1979 гг.р.**

Год рождения женщины	Накопленная рождаемость к возрасту 45 лет	Среднее ожидаемое число детей			Число респондентов			Стандартная ошибка среднего		
		МПН-1994	РиДМиЖ-2004	РПН-2012	МПН-1994	РиДМиЖ-2004	РПН-2012	МПН-1994	РиДМиЖ-2004	РПН-2012
1949	1,809	1,855			57 388			0,005		
1950	1,861	1,851			54 312			0,005		
1951	1,866	1,876			54 307			0,005		
1952	1,880	1,891			55 610			0,005		
1953	1,874	1,900			55 066			0,005		
1954	1,867	1,912			60 072			0,004		
1955	1,879	1,916			58 693			0,004		
1956	1,878	1,936			59 096			0,004		
1957	1,867	1,936			61 610			0,004		
1958	1,863	1,914			62 970			0,004		
1959	1,865	1,911	1,94		62 358	148		0,004	0,089	
1960	1,864	1,882	1,78		63 650	167		0,004	0,071	
1961	1,842	1,860	1,85		60 299	144		0,004	0,092	
1962	1,797	1,820	1,79		57 054	145		0,004	0,071	
1963	1,754	1,784	1,74		54 825	129		0,004	0,073	
1964	1,721	1,741	1,75		49 546	136		0,004	0,085	
1965	1,687	1,699	1,96		47 984	101		0,004	0,116	
1966	1,668	1,658	1,80		46 315	111		0,004	0,084	
1967	1,653	1,616	1,72		45 109	114		0,004	0,072	
1968	1,629	1,575	1,65	1,67	45 597	109	187	0,004	0,087	,068
1969	1,618	1,528	1,97	1,68	45 612	107	235	0,004	0,108	,060
1970	1,611	1,494	1,78	1,66	49 889	127	194	0,004	0,078	,059
1971	1,596	1,469	1,86	1,84	50 187	105	167	0,004	0,092	,075
1972	1,586	1,448	2,14	1,69	52 909	115	196	0,004	0,099	,071
1973	1,575	1,417	2,06	1,87	52 082	118	179	0,004	0,089	,071
1974	1,584	1,392	1,94	1,84	52 741	112	194	0,005	0,087	,064
1975	1,601	1,361	1,91	1,91	52 278	116	221	0,005	0,077	,056
1976	1,608		1,96	1,81		106	243		0,073	,058
1977	1,626		2,23	2,01		106	216		0,132	,058
1978	1,647		2,01	2,01		121	181		0,086	,066
1979	1,669		1,94	1,91		110	196		0,104	,060

Приложение 2. Результаты проверки гипотезы о равенстве среднего ожидаемого числа детей у женщин разного возраста с указанным уровнем образования

Исследование		Высшее	Среднее специальное	Среднее общее
МПН-1994	F-статистика	798,078	3869,838	8145,320
	значимость	,000	,000	,000
РиДМиж-2024	F-статистика	3,927	2,405	1,445
	значимость	,001	,026	,197
РПН-2012	F-статистика	21,079	5,676	,186
	значимость	,000	,000	0,946

Приложение 3. Результаты проверки гипотезы о равенстве среднего ожидаемого числа детей у женщин с разным уровнем образования в указанной возрастной группе

Исследование	Возрастная группа					
		23—27	28—32	33—37	38—42	
МПН-1994						
F-статистика		601,204	2451,799	3927,114	3925,926	
Значимость		0,000	0,000	0,000	0,000	
РиДМиж-2012	18—22	23—27	28—32	33—37	38—42	43—47
F-статистика	2,023	,550	1,626	,275	3,883	7,625
Значимость	0,136	0,964	0,198	0,760	0,021	0,001
РПН-2012	21—25	26—30	31—35	36—40	41—45	
F-статистика	1,475	0,400	1,032	2,918	12,555	
Значимость	0,229	0,670	0,357	0,055	0,000	